

883

4377

60
Б

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

Шевченко родился 25 февраля 1814 г. въ селѣ Моринцахъ, Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда. Отецъ его, Григорій, былъ крѣпостной крестьянинъ. У него былъ уже сынъ Никита и дочь Катерина; появленіе новаго члена въ семьѣ бѣднаго крестьянина прибавило только лишнюю тягость.

Маленькій Тарасъ росъ на свободѣ: бродилъ по лѣсамъ, оврагамъ; любилъ онъ, отдѣлившись отъ товарищей, уходить въ степь, и тамъ, взобравшись на курганъ, смотрѣть на далекія синѣющія горы и думать. Не разъ онъ задавалъ себѣ вопросъ: „А что тамъ, за горами? Должно быть, тамъ тѣ самые желѣзные столбы, которые поднимаютъ небо!“—рѣшилъ онъ, и однажды собрался дойти до этихъ столбовъ. Съ ранняго утра вышелъ онъ изъ хаты. Шелъ, шелъ по степи и пришелъ къ высокому кургану. Взобрался на него, посмотрѣлъ во всѣ стороны, видитъ—по одну сторону село, по другую сторону—село, а желѣзныхъ столбовъ не видно. Задумался Тарасъ. „Итъ, сегодня, видно, не дойду, а завтра вмѣстѣ съ сестрой Катрею пойду“,—рѣшилъ онъ и пошелъ домой, да не въ ту сторону. Попались по дорогѣ чумаки-извозчики, разспросили, куда идетъ мальчикъ, узнали, что идетъ онъ не въ ту сторону, и подвезли его до дому.

Когда Тарасу исполнилось десять лѣтъ, мать его умерла. Тарасъ съ младшими братьями и сестрами остался на попеченіи старшей сестры Катерины. Она очень любила Тараса и особенно заботилась о немъ. По смерти жены, Григорій Шевченко женился на вдовѣ съ тремя дѣтьми,—и съ этихъ поръ въ домѣ начался содомъ. Осо-

бенно доставалось шаловливому, непосѣдливому Тарасу. Чтобы избавиться отъ него, мачеха уговорила мужа отдать сына въ ученье, и вотъ Тарасъ былъ отданъ къ отрѣшенному отъ прихода священнику Губскому, гдѣ принялся за изученіе букваря. Наставникъ Губскій имѣлъ обыкновеніе каждую субботу послѣ вечерни кормить своихъ питомцевъ „березовой кашей“ (сѣчь розгами). „Бьетъ, бывало, а самому велить лежать да не кричать и явственно чигать четвертую заповѣдь. Какъ дойдетъ до меня очередь,—говоритъ Шевченко,—то я не прошу уже помилванія, а прошу только, чтобы умилосердился и велѣлъ придержать меня немножко за руки“. Однако, несмотря на такой способъ преподаванія, грамота Тарасу далась сразу. Но когда ему исполнилось одиннадцать лѣтъ, ученіе неожиданно прервалось: у него умеръ отецъ. Передъ смертью Григорію Шевченко хотѣлось чѣмъ-нибудь обезпечить своихъ дѣтей, и когда при раздѣлѣ крестьянскаго имущества дошла очередь до Тараса, то отецъ сказалъ: „Сыну Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно: онъ не будетъ какимъ-нибудь обыкновеннымъ человѣкомъ: изъ него выйдетъ или что-нибудь очень хорошее, или же большой негодяй“.

Послѣ смерти мужа мачеха, чтобы избавиться отъ лишняго рта, постаралась выжить Тараса изъ дому. Она нашла ему занятіе—пасти овецъ, свиней и телятъ кирилловскихъ крестьянъ. Съ ломтемъ чернаго хлѣба за пазухой, съ кнутомъ въ рукахъ, мальчикъ цѣлые дни проводилъ на пастбищѣ, въ степи. Онъ любилъ безмолвные степные курганы; заберется, бывало, на самую вершину, ляжетъ въ траву, подпретъ голову ручонками и долго смотреть въ синюю даль... Эти родныя картины рѣзко запечатлѣлись въ его дѣтскомъ мозгу.

Но вотъ наступила зима. Тарасъ опять остался безъ дѣла. Мачеха опять спроводила пасынка изъ дому: она отдала его въ ученье къ дячку Бугорскому. Дячокъ страдалъ запоемъ; онъ больше пилъ, а не училъ, и въ пьяномъ видѣ жестоко билъ учениковъ. Тарасъ не выдержалъ такой науки, сбѣжалъ и долго скитался безъ крова,

ночеваль въ садахъ и огородахъ, и сестра Катерина посила ему туда хлѣбъ. Потомъ Шевченко бѣжалъ въ мѣстечко Лисянку къ дьякону-живописцу. Страсть къ рисованію у Шевченка пробудилась рано; бывало, добудеть онъ гдѣ-нибудь пятакъ, купить тетрадку бумаги и всѣ листы украсить узорами, цвѣточками. У дьякона Тарасъ пробылъ недолго и переселился въ мѣстечко Тарасовку. Онъ пытался пристроиться къ какой-нибудь иконописной мастерской, но у Шевченка не было паспорта, и его не могли нигдѣ держать. Пришлось опять вернуться на родину.

Помѣщикъ, которому принадлежалъ Шевченко, вздумалъ набрать изъ своихъ крѣпостныхъ нѣсколько мальчиковъ для домашнихъ услугъ. Въ эту дворню попалъ и Шевченко. Его отправили къ барину въ городъ Вильно. Шевченку дали должность поваренка, а потомъ сдѣлали „комнатнымъ казачкомъ“. „Помѣщикъ мой,—разсказываетъ Шевченко,—вмѣнялъ мнѣ въ обязанность только молчаніе и неподвижность въ углу передней, пока не раздастся его голосъ, повелѣвающий подать трубку, тутъ же возлѣ него стоящую, или налить у него передъ носомъ стаканъ воды. По врожденной мнѣ продерзости характера я нарушалъ барскій приказъ, напѣвалъ чуть слышнымъ голосомъ пѣсни и срисовывалъ украдкой картины, украшавшія панскіе покои; рисовалъ я карандашомъ, который, признаюсь въ этомъ, безъ всякой совѣсти укралъ у конторщика“.

Когда баринъ замѣтилъ у Шевченка наклонности къ рисованію, онъ отдалъ его въ науку къ портретисту Лампи въ Варшавѣ. Съ переѣздомъ барина въ Петербургъ Шевченко попалъ къ художнику Ширяеву и въ это время познакомился съ украинскимъ писателемъ Е. Гребенкой, а черезъ него съ художникомъ Венеціановымъ и поэтомъ Жуковскимъ. Жуковский принялъ въ Шевченкѣ большое участіе, познакомилъ Шевченко съ извѣстнымъ художникомъ Брюловымъ и уговорилъ Брюлова написать съ себя портретъ; этотъ портретъ разыграли въ лотерею, и на вырученныя деньги Шевченко былъ выкупленъ изъ крѣпостной зависимости. Благодаря

участію Жуковскаго и Брюлова, Шевченко началъ посѣщать классы академіи художествъ, гдѣ сталъ серьезно заниматься живописью. Приблизительно съ этого времени Шевченко началъ писать стихи на малороссійскомъ языкѣ.

Въ 1839 г. Шевченко познакомился съ полтавскимъ помѣщикомъ Матросомъ. Однажды, во время посѣщенія квартиры Шевченка, Матросъ поднялъ на полу исписанный клочокъ бумаги. Мелкимъ, неразборчивымъ почеркомъ на немъ были написаны стихи.

— Что это такое?—спросилъ Матросъ Тараса Григорьевича.

— Да это,—если нападетъ на меня тоска, я начинаю марать бумагу.

— Такъ это ваше сочиненіе?

— Да, мое.

— И много у васъ такого?

— Порядочно.

— Гдѣ же оно?

— Подъ кроватью въ коробкѣ лежитъ.

— Покажите,—попросилъ Матросъ.

Шевченко вытащилъ изъ-подъ кровати лубочный ящикъ, наполненный клѣтками бумаги.

Матросъ никакъ не могъ сразу разобраться и попросилъ бумаги для просмотра домой.

— Да они ничего не стоятъ,—махнулъ рукой Шевченко.

— Посмотримъ, посмотримъ,—сказалъ Матросъ и, взявши бумаги, отправился съ ними къ извѣстному украинскому писателю Гребенкѣ, жившему въ то время въ Петербургѣ.

Они вмѣстѣ разобрали стихи и рѣшили ихъ напечатать отдѣльной книгой. Когда сообщили объ этомъ Шевченкѣ, онъ долго не соглашался.

— Пожалуй, еще побьютъ за нихъ,—говорилъ онъ.

Наконецъ, согласіе было получено, и въ 1840 г. появился первый сборникъ стиховъ Шевченка „Кобзарь“.

На Украинѣ съ истинной радостью встрѣтили выходъ

„Кобзаря“. Старый въ то время украинскій писатель Квитка-Основьяненко вогъ что писалъ Шевченкѣ:

„Когда мы съ женой начали читать „Кобзаря“, волосы на головѣ поднялись, въ глазахъ зазеленѣло, а сердце какъ-то болить... Гляжу—жена плачетъ. Я прижалъ вашу книгу къ сердцу... Хорошо! очень хорошо! больше не умѣю сказать!...“

Въ 1843 г. Тараса Григорьевича потянуло на родину, что онъ и исполнилъ весною этого года. На Украинѣ были рады его приѣзду; онъ посѣтилъ своихъ братьевъ и сестеръ,—они были въ то время крѣпостные,—и благородная душа поэта тяжело страдала, видя родныхъ людей въ неволѣ.

Весною 1846 г. Шевченко снова приѣхалъ въ Кіевъ; здѣсь онъ задумалъ срисовать многія достопримѣчательности города. Въ этомъ же году Шевченко познакомился съ извѣстнымъ историкомъ Костомаровымъ.

„Жилъ я тогда,—пишетъ Костомаровъ,—на Крещатикѣ; напротивъ моей квартиры былъ трактиръ съ номерами; въ одномъ изъ этихъ номеровъ и поселился Шевченко. Послѣ Пасхи, не помню съ кѣмъ изъ моихъ знакомыхъ, пришелъ онъ ко мнѣ и съ перваго раза произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе. Достаточно было съ этимъ человѣкомъ поговорить часъ, чтобы вылигъ сойтись съ нимъ и почувствовать къ нему сердечную привязанность“.

Въ это время Костомаровъ задумалъ основать ученое общество, цѣль котораго была—объединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ въ одно цѣлое государство, управляемое русскимъ императоромъ. Общество это должно было называться „Кирилло-Меодіевскимъ“. Шевченко принималъ дѣятельное участіе въ основаніи этого общества. Между тѣмъ, за стѣной квартиры, гдѣ происходили собранія, жилъ нѣкто Петровъ; онъ слышалъ всѣ разговоры и донесъ, выведя изъ этого существованіе тайнаго политическаго общества.

Вскорѣ Шевченко уѣхалъ въ Черниговскую губернію и, когда черезъ нѣсколько дней возвращался въ Кіевъ,

былъ арестованъ полицейскимъ чиновникомъ при переправѣ на паромѣ черезъ Днѣпръ.

Разсказываютъ, что на паромѣ вмѣстѣ съ Шевченко былъ одинъ знавшій его гусарскій офицеръ, и когда паромъ приближался къ берегу, офицеръ замѣтилъ на берегу полицейскаго чиновника, догадался, кого онъ поджидаетъ, и хотѣлъ спихнуть въ Днѣпръ чемоданъ, принадлежавшій Шевченко, зная, что въ немъ могутъ быть вещи, по тогдашнему времени запрещенныя; Шевченко не дозволилъ сдѣлать этого офицеру и былъ взятъ вмѣстѣ съ чемоданомъ.

Въ юнѣ 1847 г. Шевченко былъ доставленъ въ Петербургъ, осужденъ и зачисленъ въ рядовые Оренбургскаго линейнаго баталіона. Черезъ три мѣсяца онъ очутился на мѣстѣ ссылки въ Орской крѣпости, въ трехстахъ верстахъ отъ Оренбурга. Потянулись долгіе годы заключенія. Были времена, когда на Шевченка кара наказанія ложилась всею своею тяжестью, и только его закаленная натура могла перенести этотъ гнетъ. Но были и ослабленія; между прочимъ, Шевченко былъ взятъ лейтенантомъ Бутаковымъ въ экспедицію по изслѣдованію береговъ Аральскаго моря для снятія видовъ.

Когда же труды Шевченка были представлены генералу съ ходатайствомъ объ облегченіи участи ссылнаго,—получилось совершенно обратное: изъ Петербурга пришелъ приказъ перевести Шевченка на азиатскій берегъ Каспійскаго моря, въ отдаленное Ново-Петровское укрѣпленіе, со строгимъ приказомъ коменданту наблюдать, чтобы Шевченко не могъ ничего ни писать, ни рисовать.

Окончательно оторванный отъ живого міра, поэтъ загрустилъ. Должно быть, ему такъ было холодно, такъ было пусто кругомъ, если могли вырваться въ письмѣ къ одному его другу такія слова: „Родился и выросъ въ неволѣ, да и умру, кажется, солдатомъ!... Какой-нибудь да былъ бы конецъ, а то, право, надоѣло!...“ Но петербургскіе друзья поэта не забывали хлопотать о немъ; первое мѣсто между ними занимала А. И. Толстая, супруга вице-президента академіи; она, насколько возможно, ободряла

поэта и поддерживала надежду на освобождение въ его измученной душѣ.

Прошло много лѣтъ. Наконецъ, 27 июля 1857 г. получило сообщеніе объ освобожденіи ссыльнаго Тараса Шевченка. Но освобождение это должно было пройти довольно длинную лѣстницу мытарствъ по разнымъ канцеляріямъ чиновниковъ. Шевченко началъ просить коменданта крѣпости отпустить его, и комендантъ далъ ему пропускъ до Петербурга. Шевченко выѣхалъ въ августѣ 1857 года, пробывши въ неволѣ больше десяти лѣтъ.

Онъ отправился въ Астрахань, а оттуда по Волгѣ приѣхалъ въ Нижній-Новгородъ; здѣсь было получено предписаніе—задержать его, такъ какъ ему не дозволялось жить въ столицахъ. Пошли хлопоты со стороны друзей, и Шевченку, наконецъ, дозволили поселиться въ Петербургѣ.

Вернулся онъ въ Петербургъ „съ запасомъ горечи на дѣѣ души“, какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ извѣстный писатель Тургеневъ.

Вотъ что, между прочимъ, писалъ Тургеневъ о Шевченкѣ:

„Намъ всѣмъ хорошо было извѣстно, какая злая судьба тяготѣла надъ этимъ человѣкомъ. Мы приняли его съ дружескимъ участіемъ, съ искреннимъ радушіемъ. Съ своей стороны онъ держалъ себя осторожно, почти никогда не высказывался, и о своей изгнаннической жизни говорилъ мало; лишь по инымъ отрывочнымъ словамъ и восклицаніямъ можно было понять, какъ солоно она пришла ему, и какія онъ перенесъ испытанія и невзгоды. Онъ мнѣ показывалъ крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога, когда ему было запрещено заниматься писаніемъ“.

Весною 1859 г. Шевченку удалось побывать на роднѣ. Поселился онъ сначала у своей сестры Ирины, въ то время овдовѣвшей, погостилъ у братьевъ. Всѣ его родные были еще крѣпостными. Горько было на душѣ Та-

раса, но ему хотѣлось быть ближе къ своему родному народу, и онъ рѣшилъ приобрести себѣ небольшой участокъ земли на берегу Днѣпра и поселиться тамъ. А между тѣмъ за нимъ, какъ за поднадзорнымъ, не переставали слѣдить, и по доносу, гдѣ говорилось, что онъ непочтительно относится къ монахамъ и полиціи, Шевченка арестовали и препроводили къ кievскому губернатору кн. Васильчикову. Губернаторъ освободилъ его изъ-подъ ареста и сказалъ:

— Поѣзжайте отсюда скорѣе въ Петербургъ,—тамъ, стало, люди болѣе развитые и не придираются къ мелочамъ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Шевченко поселился въ зданіи академіи художествъ. Петербургъ ему уже показался не такимъ привлекательнымъ,—его тянуло на родину отдохнуть: онъ усталъ, измучился. Началась горячая переписка съ братомъ Варооломеемъ,—Тарасъ торопилъ его съ покупкою земли. Наконецъ, Варооломей Григорьевичъ пишетъ брату, что нашелъ для него подходящее мѣсто недалеко отъ города Канева, на правомъ берегу Днѣпра.

„Тамъ на высокой горѣ,—пишетъ Варооломей,—есть лѣсочекъ, посреди того лѣсочка—полянка; далеконько отъ города; внизу нѣсколько рыбацкихъ хатъ. На горѣ много дикихъ яблонь и грушъ; можно будетъ садикъ развести. Днѣпръ будетъ казаться тебѣ подъ самыми ногами, а рыба будетъ каждое утро свѣжая: рыболовы будутъ ее возить мимо твоего порога“.

Шевченко былъ доволенъ сообщеніемъ, но онъ чувствовалъ, что одинокому человѣку будетъ пусто и въ новой хатѣ,—и вотъ онъ рѣшилъ во что бы то ни стало—жениться. Братъ Варооломей совѣтовалъ ему взять жену изъ образованнаго круга, „а съ простою крестьянкою ты еще больше затоскуешь“,—писалъ онъ Шевченку.

Но Шевченко отвѣтилъ:

„Я по плоти и духу сынъ и родной братъ нашего безталаннаго народа, такъ какъ же я могу соединиться съ барскою кровью? Да и что образованная барыня будетъ дѣлать въ моей мужичьей хатѣ? Мать при всякихъ условіяхъ—мать; если она любящая и разумная, то и дѣти

выйдутъ въ люди; если же хотя она и образованная, но лишена разума и сердца, то и дитя вырастетъ негодяемъ, все равно, что въ шинкѣ“.

Тарась просилъ Варооломея сдѣлать предложеніе отъ его имени крѣпостной дѣвушкѣ, служившей у Варооломея работницей. Однако, дѣвушка заупрямилась: она считала Шевченка за большого пана и боялась за него выходить замужъ.

Шевченко, однако, не оставилъ мысли о переселеніи на родину и о женитьбѣ. У своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ онъ встрѣтилъ дѣвушку-землячку Лукерью Полу-смакову; она была горничной.

Шевченко сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ; сначала Лукерья, считая Шевченка богатымъ человекомъ, дала согласіе, а потомъ раздумала; такъ и это сватовство не удалось. Заботясь о своихъ семейныхъ дѣлахъ, Шевченко не забывалъ и родныхъ: онъ горячо хлопоталъ объ освобожденіи ихъ отъ крѣпостной зависимости, что и было имъ сдѣлано за нѣсколько мѣсяцевъ до объявленія воли; въ это же время онъ задумалъ издать полное собраніе своихъ сочиненій. Въ 1860 г. появился полный „Кобзарь“, отъ котораго на Украинѣ всѣ были въ восторгѣ.

„У насъ чуть ли не по „Кобзарю“ и Богу молятся“, — писали Шевченку изъ Полтавы.

Въ концѣ 1860 года Шевченко сталъ прихварывать; доктора опредѣлили водянку. Онъ никуда уже не выходилъ изъ дома и лежалъ въ постели.

— Вотъ если бы мнѣ добраться домой, тамъ, быть можетъ, я и поправился бы, — говорилъ онъ своимъ друзьямъ.

Но ни добраться домой, ни поправиться ему не удалось: 26 февраля 1861 г. Шевченко умеръ. Сначала его похоронили въ Петербургѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, а потомъ, помня желаніе его, выраженное въ стих. „Заповѣдь“, перевезли прахъ его на Украину и похоронили на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ мечталъ поселиться, — на берегу Днѣпра, на Чернечей горѣ.

Ив. Бѣлоусовъ.

Думы.

Ой, вы, думы, мои думы,—
Горе, думы, съ вами!
Что вы встали на бумагѣ
Хмурыми рядами?
Что васъ вѣтеръ не развѣялъ,
Словно пыль степную?
Что васъ горе не заспало,
Словно дочь родную?
Горе злое васъ на свѣтѣ на смѣхъ породило;
Поливало васъ слезами,—что жъ не затопило?
Что не выбросило въ морѣ, не размыло въ полѣ?
Не узнали бы, за что я прокливаю долю!..
Позабыли бъ меня люди,—вспоминать не стали,
«Дѣлать нечего!»—съ насмѣшкой мнѣ бы не ска-
зали!..

Думы мои, думы мои,—
Сердцу дорогія,—
Для чего жъ любить, лелѣялъ
Васъ, мои родныя?
Кто жъ надъ вами плакать будетъ
Здѣсь, на бѣломъ свѣтѣ
Такъ, какъ я? Охъ, думы, думы,—
Думы—мои дѣти!
Можетъ быть, найдутся очи
Съ черными бровями,
Что, услышавъ васъ, заплачутъ
Горькими слезами?
Мнѣ не надо слезъ обильныхъ,—
Мнѣ слезинку надо,—

Буду палъ надъ панами,—
Вотъ моя отрада!
Думы мои, думы мои,
Тяжело мнѣ съ вами!
Вы туда рвались, гдѣ очи
Съ черными бровями,
А за вами сердце рвалось,
Думы выливало,
Выливало, какъ умѣло
Все, что прежде знало:
Темный вишневыи садочекъ,
Словно море—ночи,
Ласки жаркія дѣвичьи,
Черны брови, очи..
Степи, степи да могилы
Тамъ—на Украинѣ!..
Но о нихъ молчить, ни слова
Сердце на чужбинѣ.

Думы мои, думы мои—
Думы, мои дѣти.
Гдѣ же я найду, родныя,
Вамъ приютъ на свѣтѣ?
На Украину идите—
На Украину нашу,
На задворки, къ бѣднымъ людямъ,
Я же здѣсь загину!
Тамъ любовь найдете, думы;
Тамъ васъ приласкають;
Тамъ и правда!... А, быть можетъ,
Славой увѣнчаютъ!..
Такъ прими же моихъ дѣтокъ,
Родина святая,—
Приласкай ихъ неразумныхъ,
Словно мать родная!..

Ив. Вьлоусовъ.

Вечеръ.

Вишневый садикъ возлѣ хаты;
Жуки подъ вишнями гудятъ;
Плугъ съ нивы пахари тащатъ.
И, распѣваючи, дѣвчата
Домой на вечерю спѣшатъ.
Семья ихъ ждетъ—и все готово.
Звѣзда вечерняя встаетъ,—
И дочка ужинъ подаетъ,
А мать сказала бы ей слово,
Да соловейко не даетъ.
Мать уложила возлѣ хаты
Малютокъ-дѣточекъ своихъ;
Сама заснула возлѣ нихъ...
Затихло все: однѣ дѣвчата,
Да соловейко не затихъ.

Л. Мей.

**
*

Отчего мнѣ тяжело, отчего мнѣ больно?
Отчего такъ сердце плачетъ и кричитъ,
Какъ ребенокъ малый? Чѣмъ ты недовольно,
Разскажи мнѣ, сердце? Что себя томитъ?
Голодно ты, что ли, иль уснуть желаешь,
Чтобъ забыть неволю въ сторонѣ чужой?..
Такъ усни навѣки, и тогда не станешь
Биться ты и горя раздѣлять со мной.

С. Дрожжинъ.

**
*

Идутъ, проходятъ дни за днями:
Минуло лѣто; шелеститъ

Гонимый вѣтромъ, листъ осенній;
Безъ думъ, безъ жизни сердце спить.
Все такъ спокойно, что не знаю,—
Живу ли я, иль доживаю,
Иль просто по свѣту влачусь,—
Уже не плачу, не смѣюсь!

Боже, не даль Ты мнѣ доли
Въ жизни никакой!
Если было жалко доброй,—
Не жалѣль бы злой.

А безъ доли да безъ счастья
Заживо умрешь;
Какъ негодная колода,
Пропадешь, сгниешь!..

Боже добрый! Боже щедрый!
Дай душой мнѣ жить
И весь міръ твой—чудный, дивный—
И людей любить!
Страшно, тяжело жить въ неволѣ,
Взаперти сидѣть;
Но страшнѣй на вольной волѣ
Мертвецомъ глядѣть

На борьбу, на трудъ упорный,
Что кипитъ кругомъ!..
Жить—и слѣда не оставить
По себѣ ни въ чемъ—

Страшно!... Доля, отзовися!
Гдѣ твой слѣдъ пропалъ?..
Если доброй воли не даль,
Боже, злую бь даль!..

Ив. Бьлоусовъ.

**
*

За думою дума роємъ вылетаетъ;
Одна давитъ сердце, другая сжимаетъ,

А третья какъ будто тихо, тихо плачетъ.
И съ собой всё слезы въ самомъ сердцѣ прятеть.
Такъ кому жъ я ихъ довѣрю,
И кому, тоскуя,
Въ сердцѣ спрятанную думу
Громко расскажу я?
Всѣ оглохли, и поникли
Робко головою...
И никто понять не можетъ,
Другъ мой, насъ съ тобою.
До сѣдыхъ волосъ по свѣту
Намъ пришлось скитаться,
Что же дѣлать? будемъ вѣкъ свой
Плакать и смѣяться.

С. Дрожжинъ.

**

Не женися на богатой,—выгонитъ изъ хаты—
Скажетъ:—„вонъ пошелъ, оборвышъ, изъ хоромъ
богатыхъ!»
И наплачешься тогда ты вволю на просторѣ...
Не женися и на бѣдной,—много будетъ горя.
А женись-ка ты на волѣ,—на казацкой волѣ,—
Беззаботной и свободной, словно вѣтеръ въ полѣ.
Не бѣда, что одинокимъ вѣкъ свой скоротаешь,
Не бѣда,—зато и горя меньше ты узнаешь.
Заболѣешь ли, не спросятъ: отчего хвораешь?
Отчего, легко иль тяжело.—зналъ одинъ и знаешь.
Говорятъ,—вдвоемъ не трудно сжиться и съ тоскою,
Говорятъ,—вдвоемъ и слезы легче лить порою,—
Да неправда: легче плакать за пятью замками,
Чѣмъ открыто предъ людскими зоркими глазами...

С. Лютовъ.

**
*

Ужъ какъ выйду ль я изъ хаты,—
Сяду на крылечко;
Хороводъ дѣвицы водятъ,—
Гдѣ жъ мое сердечко?
Въ хороводъ безъ нея
Нѣтъ игры веселой,—
И сдавило сердце мнѣ
Думою тяжелой:
Чай, теперь ее свекровь
Лютая ругаетъ,
А она меня тайкомъ
Смотритъ—поджидаетъ...

Ив. Бѣлоусовъ.

**
*

Жди, вернусь я изъ похода,—
Мнѣ гусарь сказалъ.
Я ждала, ждала, все нѣту...
Нѣтъ его, пропалъ.

Что жъ о немъ я такъ тоскую
И себя гублю?
За кафтанъ короткій, что ли,
Я его люблю?

Иль за то, что усъ онъ черный
Въ кольца завивалъ?
Иль за то, что милой Машей
Часто называлъ?

Нѣтъ, не та моя кручина.
Жить мнѣ тяжело:
Какъ я выйду, покажуся
Изъ избы въ село,—

Всѣ смѣются надо мною,
Замужъ не берутъ,
И на улицѣ—гусаркой
Дѣвицу зовутъ.

И. З. Суриковъ.

**
*

Полюбила я,
На печаль свою,
Сиротинушку
Безталаннаго!
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!..
Разлучили насъ
Люди сильные;
Увезли его,
Сдали въ рекруты...
И солдаткой я,
Одинокой я,
Знать въ чужой избѣ
И состарѣюсь...
Ужъ такая мнѣ
Доля выпала!

А. Н. Плещеевъ.

**
*

Я гуляю ли, молюсь ли,
Въ полѣ работаю ль,—
Все про милаго дружочка
Думаю, гадаю.

Какъ глупа я, что ждала все,
Долго дожидалась,
Что пришлетъ онъ сваху сватать,
Да и не дождалась:
Обманулъ меня мой милый—
Сердце мое знало;
Сердце знало, только миѣ-то
Слова не сказало.
Если бѣ сердце мнѣ сказало,
Я бы не любила
И къ нему въ лѣсочекъ темный
Я бѣ не выходила.
А-то вечеромъ и утромъ,
Каждый день видалась;
Доходила до того, что
Дѣвицей осталась!
Тяжело мнѣ съ маткой старой
Дома оставаться;
Тяжелѣе мнѣ бездольной
По людямъ шататься!..
И до сихъ поръ—работаю ль,
Или такъ гуляю,—
Про него моя все дума...
И сама не знаю,
Зачѣмъ думаю, зачѣмъ я
Во лѣсокъ ходила,
И за что его такъ долго,
Горячо любила?..

Ив. Бьлоусовъ.

Думки.

Для чего мнѣ черны брови,
Годы молодые,
Красота моя дѣвичья.

Очи голубья?
Даромъ годы молодые
Въ грусти пропадаютъ.
Очи плачуть, черны брови
Блекнуть и линяютъ.
Сердце свѣтомъ тяготится,
Какъ въ неволѣ пташка;
Что мнѣ въ томъ, что я пригожа,
Если жить мнѣ тяжко?
Тяжело мнѣ жить на свѣтѣ
Вѣдной сиротою;
Межъ своими, межъ родными
Вѣчно быть чужою.
Нѣтъ того, кто разспросилъ бы,—
Что такъ плачуть очи,
Отчего такъ сильно сердце
Ноетъ дни и ночи?
Отчего оно голубкой
День и ночь воркуетъ?
Ахъ, никто того не знаетъ
И никто не чуетъ!
Да зачѣмъ чужимъ-то вѣдать,
Что меня терзаетъ?
Пусть сиротка вѣчно плачетъ,
Пусть она рыдаетъ!
Плачь же, сердце, плачьте, очи,
Если не устали,
Громче, жалобнѣй, чтобъ стоны
Вѣтры услышали;
Пусть ихъ буйные относятъ
Въ дальній край, за море,
Къ чернобровому красавцу
На лихое горе!..

А. Шафѣвъ.

**
*

Полно, полно мнѣ шататься,
 Людямъ докучать,—
Пойду въ сторону чужую
 Долюшку искать.
Выдетъ доля—буду жить я,—
 Нѣтъ,—такъ утоплюсь,
Но продаться—не продамся,
 Въ наймы не наймусь!
И пошелъ, прошелъ не мало,
 Доли не сыскалъ,
Свою волю добрымъ людямъ
 Безъ торга отдалъ!..

И. Родионовъ.

**
*

Охъ, пошла я къ рѣчкѣ за водою,
Тамъ мой милый гуляетъ съ другою;

 А эта другая,—
 Разлучница злая,
 Богатая сосѣдушка—
 Вдова молодая.

Вмѣстѣ съ ней вчера я,
Посконь выбирая,

 На межѣ стояла
 Да все рассказала,—
 Что меня другъ любить,
 Что жениться будетъ,

И къ себѣ ее, злодѣйку,
Я на пиръ просила!..

Другъ сердечный, милый,
Другъ мой ненаглядный,—
Для чего покинулъ
Ты меня желанный?
Богъ тебя накажетъ
За измѣну злую,
Что берешь ты замужъ
Не меня,—другую!..

Сп. Дрожжинъ.

**
*

Проторила я дорожку
Черезъ яръ,
Черезъ горы, мой сердешный,
На базаръ.
Парнямъ бублики носила
Вечеркомъ;
Продала—и воротилась
Съ пятакомъ.
Я два гроша, охъ, два гроша
Прошила.
На копѣйку музыканта
Наняла.
Ты сыграй-ка мнѣ на дудкѣ
На своей,
Чтобъ забыла я кручину—
Горе съ ней..
Вотъ какая, мой сердешный,
Дѣвка я!
Сватай—выйду я, пожалуй,
За тебя!

А. Н. Плещеевъ.

*
*

Нѣтъ мнѣ радости, веселья,
Мать меня ругаетъ
И къ сосѣдямъ на бесѣду
На ночь не пускаетъ.
Долго ль мучиться, терпѣть мнѣ,
Долго ль съ горемъ биться?
Выйти ль замужъ за другого,
Или утопиться?
Охъ, надѣну я сережки,
Въ бусы наряжуся,
И на ярмарку пойду я,
Другу покажуся.
Я скажу ему: «послушай,
Другъ мой, не сердися:
Если любишь, такъ посватай,—
Нѣтъ—такъ откажися!»
Чѣмъ терпѣть мнѣ все попреки,
Съ матерью браниться,
Чѣмъ идти мнѣ за другого,—
Лучше утопиться!..

И. З. Суриковъ.

*
*

Хороша, богата
Я—да толку мало!
Видно безталанна:
Друга не сыскала.
Тяжко, тяжело сердцу
Безъ любви томиться;
Скучно одинокой
Въ бархатъ мнѣ рядиться.

Съ парнемъ чернобровымъ,
Крутымъ сиротою,
Мы бы полюбились—
Да глядятъ за мною
Мать съ отцомъ такъ зорко,
Даже сна не знаютъ,
И гулять подъ вечеръ
Въ садикъ не пускаютъ,
А когда и пустятъ,
Такъ все съ нимъ съ проклятымъ,
Съ недругомъ противнымъ,
Старикомъ богатымъ...

А. Н. Плещеевъ.

**
*

Умеръ старый батюшка,
Умерла и мать;
Некому сироточку
Дочку приласкать.
Что же, что же дѣлать мнѣ—
Сиротѣ одной,—
Въ люди ли отправиться,
Дома ль жить съ тоской?
Выйду въ садъ зеленый я,
Цвѣтикъ посажу,
И на этомъ цвѣтикѣ
Такъ заморозю:
Будетъ ростъ,—останусь я,
Друга стану ждать;
Если жъ нѣтъ,—судьба моя
Въ людяхъ пропадать...

Съ каждымъ годомъ въ садикѣ
Цвѣтикъ тотъ растетъ,
Къ сиротѣ жъ работницѣ
Жданный другъ неидеть!..

И. Родіоновъ.

Жница.

Она на барскомъ полѣ жала
И тихо побрела къ снопамъ,—
Не отдохнуть, хотъ и устала,
А покормить ребенка тамъ.
Въ тѣни лежалъ и плакалъ онъ;
Она его распеленала,
Кормила, няньчила, ласкала
И незамѣтно впала въ сонъ.
И снится ей, житьемъ довольный,
Бя Иванъ: пригожь, богатъ;
На вольной, кажется, женать,
И потому, что самъ ужъ вольный.
Они съ лицомъ веселымъ жнутъ
На полѣ собственномъ пшеницу,
А дѣтки имъ обѣдъ несутъ..
И тихо улыбнулась жница.
Но тутъ проснулась... Тяжко ей!
И, спеленавъ малютку быстро,
Взялась за серпъ,—дожать скорѣй
Урочный снопъ свой до бурмистра.

А. Н. Плещеевъ.

*
*
*

Воегъ вѣтеръ, злится вьюга,
Снѣгъ кругомъ взметаегъ.
По селу вдова-старуха
Бродить, чуть ступаегъ.
Осыпаемая снѣгомъ,
Спереди и сзади,
Бродить, просить горемыка,
Просить Христа-ради.
Бродить, просить со слезами
У людей богатыхъ,
Что ее кормильца-сына
Отдали въ солдаты.
А вѣдь думала когда-то:
«Вотъ женю сыночка,—
Отдыхать подъ старость буду
За невѣстой-дочкой».
Не сбылось! Пошла старуха
По-міру съ сумою,
По чужимъ угламъ скитаться
Горькой сиротою.
На добытую копѣйку
Свѣчечку за сына
Богу ставить, а сама-то
Плачетъ, сиротина...

Ив. З. Суриковъ.

*
*
*

Сижу въ неволѣ одинокій,
И слова некому сказать;
Ищу кругомъ съ тоской глубокой
Того, кто бь могъ меня понять.

Найти стараюсь правду въ людяхъ,
Подобье Бога отыскать,—
А нахожу лишь то я въ мірѣ,
Что, право, стыдно и сказать!..
Такъ вотъ что сдѣлала лукаво
Жизнь, посмѣявшись надо мной.
И грустно молодости годы
Прошли подъ тучей грозовой
Въ борьбѣ съ судьбою. Добрымъ словомъ
Нельзя, что было, помянуть;
А все же хочется повѣдать,
Что на душѣ, кому-нибудь.
Душа хоть слова ласки просить,—
И нѣтъ надежды—все обманъ!
Такъ неостывшій трупъ заносить
Въ степи бушующій бурянь!..

Ив. Бѣлоусовъ.

На Рождество.

Не домой идя отъ кума
Вечеромъ изъ хаты
И не спать ложась, братъ милый,
Вспомни про меня ты,—
А когда нагрянетъ горе
На всю ночь до свѣта,
Вотъ тогда меня зови ты,
Другъ мой, для совѣта;
Вотъ тогда ты и подумай,
Какъ въ дали надъ моремъ
Другъ твой мается въ пустынь,
Какъ онъ бьется съ горемъ;
Какъ онъ въ сердцѣ затаивши
Думы тѣ—тревогу,—

Бродить молча одинокій,
Молится тамъ Богу,
О тебѣ, да объ Украинѣ
Милой озабочень..
Иногда и загруститъ онъ—
Только... такъ—не очень..
Посмотри,—на дворъ ужъ праздникъ
Наступаетъ нынѣ..
Тяжко, братъ, встрѣчать его мнѣ
Одному въ пустынѣ.
Завтра рано на Украинѣ
Благовѣсть начнется,
И народъ со звономъ вмѣстѣ
Въ церкви соберется
Помолиться... Завтра жъ рано
Будетъ выть голодный
Звѣрь въ пустынѣ, и повѣтъ
Ураганъ холодный,
Занесетъ пескомъ и снѣгомъ
Хату и завьется
По пустынѣ... Вотъ какъ праздникъ
Встрѣтить мнѣ придется!
Что жъ теперь? На то и горе,
Чтобы съ нимъ... бороться!..
Такъ вотъ такъ-то, другъ единый,—
Такъ мнѣ здѣсь живется.
Прочитай посланье это,
Да и знай,—что доли
Хуже нѣтъ, какъ жить въ пустынѣ
Одному въ неволѣ.
Да и тамъ живутъ... хоть тяжко
Сердце изнываетъ..
Умереть бы? Такъ надежда,
Братъ, не умираетъ!

Ө. Гавриловъ.

Завѣщаніе.

Какъ умру я,—схороните
На Украинѣ милой;
Пусть курганъ въ степи широкой
Будетъ мнѣ могилой.
Мнѣ оттуда будутъ видны
Днѣпръ, луга и кручи;
Будетъ слышно, какъ волнами
Днѣпръ реветъ могучій..
Схоронивъ, соединитесь
Въ братствѣ вольномъ, новомъ
И меня не позабудьте
Вспомнить добрымъ словомъ!..

Ив. Бьлоусовъ.

**
*

Ой, взгляну ли, посмотрю ли
Я на степь, на поле,—
Неужели хоть подъ старость
Не дождусь я воли?

Я пошелъ бы на Украину,
Къ хутору родному,—
Какъ бы мнѣ тамъ были рады,
Старику сѣдому!

Отдохнулъ бы тамъ немного,
Богу сталъ молиться,
Сталъ бы я... Да что и думать,—
Ничему не сбыться!

О, если бѣ кандалы разбить
Иль перегрызть ихъ! Такъ не тѣ,
Не тѣ ихъ кузнецы ковали,
Не такъ желѣзо закаляли,
Чтобъ перегрызть... О, горе намъ,
Невольникамъ и сиротамъ,
Въ стени безкрайной за Ураломъ...

Ив. Бьлоусовъ.

**
*

Солнце за горы садится; темнѣеть;
Птички замолкли; поле нѣмѣть;
Люди, измучившись, крѣпко уснули.
Думы въ Украину меня потянули.
Въ темномъ садочкѣ я думой витаю,
Сердцемъ измученнымъ въ немъ отдыхаю..
Вотъ потемнѣли поля и лѣса.
Въ небѣ зардѣлась зари полоса,—
Съ грустною думой гляжу на нее:
Видятъ ли тамъ, на Украинѣ, ее?
Радостно ль зорьку на небѣ встрѣчаютъ?
Бѣднаго часто ль меня вспоминаютъ?
Знаю тамъ карія очи одни,—
Помнятъ меня, иль забыли они?
Если не видятъ зари золотой,—
Значить, забыть я въ Украинѣ родной!..
Пусть же тѣ очи погаснутъ тогда,
Чтобъ имъ меня не видать никогда!..

Ив. Бьлоусовъ.

Украинѣ.

Нѣтъ большей скорби, какъ въ неволѣ
Про волю вспоминать.... А я,
Страданье жгучее тая,
Тобою брежу въ тяжкой долѣ.
Досель ты не казалась мнѣ—
Въ далекой родинѣ—такою
Плѣнительной и дорогою,
Какъ здѣсь—на чуждой сторонѣ,
Въ неволѣ горькой... Доля, доля!
Моя загубленная воля,
Взгляни сюда изъ-за Днѣпра
И улыбнись!..

Призыву послушная,
Горя и пылая,
Выходить изъ-за моря
Заря золотая.
Выходить желанная,
Ведя за собою
Лѣта моей юности....
Встаетъ предо мною
Изъ-за моря синяго
Селенье надъ доломъ,
Съ садами вишневыми,
Съ народомъ веселымъ.
Село мнѣ знакомое,—
Въ немъ люди когда-то
Меня одинокаго
Считали за брата;

Родимая матушка,
Старушка сѣдая,
Къ тебѣ собирается-ль
Бесѣда былая?
По старымъ обычаямъ,
И рада привѣту,
Съ игрою веселою
Отъ свѣта до свѣту,
Красавицы милья,
Блѣстящіе глазки,
У старой играете-ль
Подъ пѣсни и пляски?
И ты, мое счастье,
Съ очами живыми,
Съ бровями собольими,
И ты между ними
Съ улыбкой привѣтливой
Чаруешь красою,
И люди любятъ-ль
Невольно тобою?
Святыня единая,
Моя дорогая,
Случится, быть можетъ,
Съ тобою играя,
Обступятъ подружки,
Смѣясь, съ прибаутками,
Съ присловьями складными,
Съ веселыми шутками.
Иная нечаянно
Тараса вспомянетъ,
Обмолвится именемъ,
Разспрашивать станетъ.
Тогда, моя милая,
Засмѣйся отвѣтно,
Чтобъ горе сердечное
Прошло незамѣтно.
Вѣдь люди завистливы,
Судить любятъ строго...

И я съ благодарностью
Хвалить стану Бога!

А. С. Мусиль-Пушкинъ.

**
*

И долину, и курганы,
И вечерній тихій часъ—
Все, что снилось, говорилось,
Вспоминаль я много разъ!
Разошлись мы, будто вовсе
И не знались никогда,
И минули невозвратно
Наши лучшіе года!
Отцвѣли мы.. Я—въ неволѣ,
Ты—вдовой. Мы не живемъ,
Только бродимъ, вспоминая,
Какъ живалось намъ въ быломъ!..

А. Н. Плещеевъ.

**
*

Мнѣ все равно, что нѣтъ, что будетъ,
Въ Украинѣ жить мнѣ суждено;
Вспоманетъ кто или забудетъ
Меня въ снѣгахъ здѣсь... все равно!
Въ неволѣ росъ я межъ чужими
И, неоплаканный своими,
Въ неволѣ, плача, я умру
И все съ собою заберу,—
Весь скорбь. Умру, какъ будто въ тайнѣ.
И не вспоманетъ обо мнѣ
Никто въ родной моей Украинѣ,
Въ моей—не нашей—сторонѣ.

И не вздохнетъ, не скажетъ сыну
Отецъ: „Помолимся. Онъ свой.
Онъ за Украину на чужбину
Когда-то загнанъ былъ враждой!»
Мнѣ все равно, что нѣтъ, что станетъ
Тотъ сынъ молиться... все равно!
Не все равно мнѣ лишь одно:
Не все равно, что не вспомнеть
Украину Богъ, что всѣмъ дано
Въ ней право грабить, красть, плумиться,
Надъ обокраденной кичиться...
Охъ, далеко не все равно!..

Н. Пушкиревъ.

**
*

Въ какомъ краю меня схоронять?
Гдѣ тлѣть судьбой мнѣ суждено?
Умру—никто меня не вспомнить,
Когда мнѣ счастья не дано!
Никто, хоть на смѣхъ, мнѣ не скажетъ:
„Покой ему въ землѣ сырой,—
Онъ только тѣмъ былъ, бѣдный, счастливъ,
Что рано кончилъ путь земной!»

Ив. Вьлоусовъ.

**
*

Не для васъ я, люди-братья,
Пѣсни вольныя пою;
Не для славы выливаю
Въ пѣсняхъ душу я свою.
Для себя пою; душою
Съ пѣсней оживаю,
Легче гнетъ неволи тяжкой
Я переживаю.

Звуки пѣсенъ изъ Украйны,
Съ родины несутся,
Выливаясь на бумагу,
Плачутъ и смѣются,
И мою большую душу
Радуютъ, какъ дѣти.
Хорошо, привольно жить мнѣ
Съ пѣснями на свѣтѣ!
Какъ отецъ, дѣтми счастливый,
Я молю у Бога,
Чтобъ широкая для пѣсенъ
Пролегла дорога.
Чтобы пѣсни изъ неволи
Къ родинѣ слетали,—
Какъ имъ тяжко, какъ имъ больно,
Людымъ рассказали.
Тамъ ихъ встрѣтятъ и привѣтятъ
Съ чистою душою:
Старецъ древній покачаетъ
Бѣлой головою;
Скажетъ мать: на горе дѣтокъ
Лучше бѣ не родила!
Скажетъ красная дѣвица:
Я ихъ полюбила!..

Ив. Бѣлоусовъ.

**

Огни горятъ, оркестръ играетъ,
Оркестръ и стонетъ, и рыдаетъ;
Какъ яркій, дорогой алмазь,
Сіяютъ взоры юныхъ глазъ;
Они полны святыхъ мечтаній,—
Предъ ними мѣръ волшебныхъ грезъ,
Любви, надеждъ, очарованій...
Лишь я сдержатъ не въ силахъ слезъ:
Гляжу съ мучительной тоскою,
Одинъ, забытый среди всѣхъ,

На общій хохотъ, танцы, смѣхъ,
И горько плачу надъ собою!..
О чемъ же плачу горько я?
Что безъ привѣта, безъ участья,
Во мглѣ холоднаго ненастья,
Погибла молодость моя!..

**
*

И золотой, и дорогой,
Сказать по правдѣ вамъ, не жалъ,
Мнѣ прошлой воли молодой;
А иногда таки печаль
Такъ сдавить душу, что порой
Зальюсь я горькою слезой,
Когда въ селѣ увижу хлопца;
Забитый, блѣдный и худой,
Какъ листъ, оторванный отъ вѣтки,
Подъ тыномъ, бѣдный, онъ сидитъ,
И кафтанишка—рванный, рванный—
На плечахъ худенькихъ виситъ...
И думаю,—вотъ это—я,
Вотъ это—молодость моя!..
О немъ я думаю: онъ воли
Ужъ не дождется никогда:
Промчатся годы молодые,
Жизнь пронесется безъ слѣда;
На вольномъ и широкомъ свѣтѣ
Себѣ пріюта не найдетъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь да пріютиться,—
Въ солдаты, бѣдный, попадетъ.

Ив. Бьлоусовъ.

**
*

Мы вмѣстѣ съ ней дѣтьми росли
И подъ одною кровлей жили;
Любуясь матери на насъ,

«Женихъ съ невѣстой!»—говорили.
Но не сбылися ихъ слова:
О чемъ мечтали—не дождались!
Похоронивши стариковъ,
Мы разошлись и не встрѣчались.
Меня по волѣ и неволѣ
Носило всюду; принесло
Подъ старость къ хутору родному,
Въ родное, милое село.
И показалось мнѣ, сѣдому,
Что измѣнилось оно,—
Какъ я,—старо, убого стало
И неприглядно, и темно!
Мнѣ показалось такъ,—все то же
Село родное, какъ было:
Въ немъ ничего не измѣнилось,—
Не выросло и не сгнило.
Все тотъ же лѣсъ, все то же поле,
Колодезь тотъ же все стоитъ,
И верба, будто въ злой неволѣ,
Надъ нимъ склонилась и грустить..
Прудокъ и мостикъ. Изъ-за лѣса
Все та же мельница глядитъ,
И дубъ зеленый подъ горою,
Какъ молодой казакъ, стоитъ.
На горкѣ садикъ, а въ садочкѣ
Подъ вишней бѣлой, въ холодочкѣ,
Какъ будто бы въ раю,—лежать
Отецъ и мать и крѣпко спать.
Кресты съ могилوکъ ихъ упали
И надписи на нихъ слиняли:
Быть можетъ, смыло ихъ дождемъ,
Иль время стерло!... Мирнымъ сномъ
Пусть спать родные...
— Ты не знаешь,
Жива Оксаночка? — пытаю
У брата тихо я.
— Какая?

— А вотъ, что съ нами-то жила,
Такая бойкая была?

— Но что жъ ты слезы утираешь?

— Я ничего...

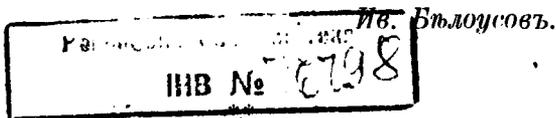
— Ну, братъ, сбѣжала
Твоя Оксаночка въ походъ
(съ солдатами, и тамъ пропала.
Вернулась, правда, черезъ годъ,
Да не одна,—вдвоемъ съ дитею
Она вернулась, братецъ, къ намъ;
Бродить все стала по ночамъ;
Бывало, ходить, распѣваетъ,
Иль въ косы что-нибудь вплетаетъ,
Иль сядетъ, у плетня сидитъ,
Кукучкой громко такъ кричитъ...
Потомъ куда-то вновь дѣвалась—
И не видали, какъ ушла.
А что за дѣвица была—
Ну, просто, краля! Жалко,—бѣдной
Господь, знать, счастья не далъ!
А можетъ далъ, да кто укралъ?

Ив. Бѣлоусовъ.

**
*

Невзгоды ль жизни, иль неволя,
Иль пережитые года
Разбили душу? Иль, быть можетъ,
Я ею не жилъ никогда?
Я душу чистую опошлилъ,
Живя средь пошлости людской;
Смѣясь же люди называютъ
Ее до сихъ поръ молодой,
И непорочной, и святой,
Еще какою-то,—не знаю....
О, люди! Лживый родъ людской,—

Мнѣ душу чистую не вы ли
Такъ загрязнили, осквернили,
Что я теперь ужъ позабылъ
Какъ чистымъ я когда-то былъ!..
И вы съ небесъ меня сманили,
По своему писать учили;
Вы тяжкій камень положили
Мнѣ на ~~дору~~ и разбили
О камень сердце. Безъ пути
Куда же мнѣ теперь идти?
Теперь безъ цѣли я скитаюсь.
Себя и васъ, и все кляня;
Иду съ трудомъ и спотыкаюсь,
А вы смѣтаете на меня!..
Я плачу горькими слезами,—
Смѣюсь и плачу я съ тоской—
И надъ собою, и надъ вами,
И надъ погибшею душой!...

И день идетъ, и ночь идетъ...
И голову склонивъ на руки,
Съ вопросомъ ждешь,—что жъ не идетъ
Апостоль правды и науки?

Н. Т.

Изданія **Московского КОМИТЕТА Грамотности**
и **Московского ОБЩЕСТВА Грамотности.**

[Ц 1р]

Имѣются въ продажѣ:

- А. С. Пушкинъ.** Капитанская дочка. Ц. 10 к.
Его же. Полтава. Ц. 8 к.
Л. Н. Толстой. Кавказскій плѣнникъ. Ц. 10 к.
И. А. Крыловъ. Избранныя басни для школь и на-
рода. Ц. 8 к.
Л. И. Е. Какъ живутъ люди въ Швейцаріи.
Ц. 6 к.
Пѣсни Тараса Шевченко. Подъ редакціей В. В. Ве-
ресаева и съ біографич. очеркомъ И. А. Бѣло-
усова. Ц. 6 к.
Вопросы всеобщаго обученія. Доклады на общихъ
собраніяхъ М. О. Г. въ 1909—1910 гг. Ц. 40 к.

Готовятся къ печати:

I. Серія юридическая.

1. Законы о землеустройствѣ.
2. Законъ 14 іюня 1910 г. (указъ 9 ноября 1906 г.).
3. Освобожденіе крестьянъ отъ нѣкоторыхъ ограниченій
(указъ 5 октября 1906 г.).
4. Законъ и обычай въ деревнѣ.
5. Рабочіе законы.
6. Страхуваніе рабочихъ.

